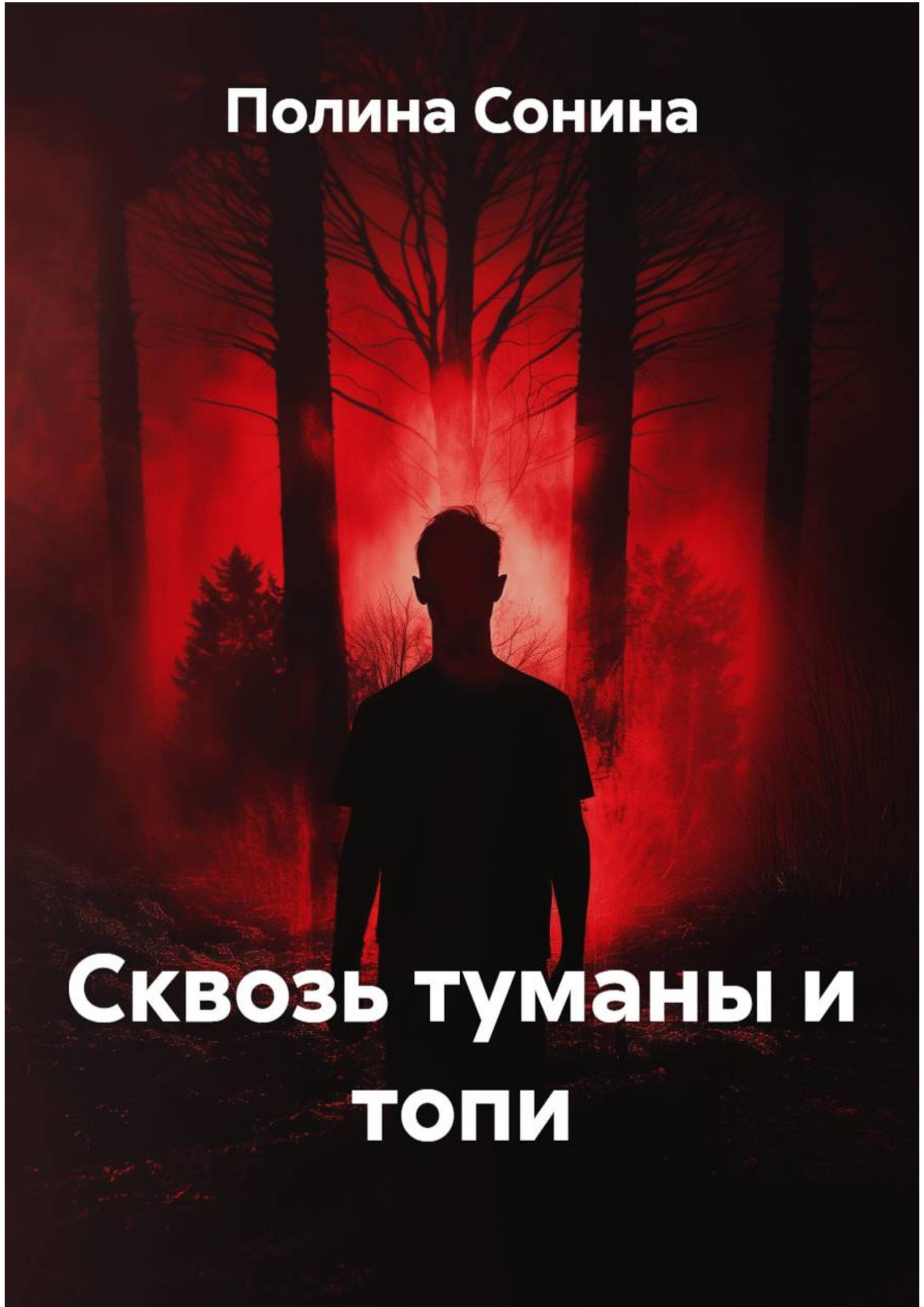

A person's silhouette stands in the center of a dark forest. The background is a deep, vibrant red, suggesting a sunset or a fire. Tall, thin trees are visible in the background, their branches silhouetted against the red light. The overall mood is mysterious and ominous.

Полина Сони́на

**СКВОЗЬ туманы и
ТОПИ**

Полина Сони́на

Сквозь туманы и топи

«Автор»

2026

Сонина П.

Сквозь туманы и топи / П. Сонина — «Автор», 2026

У ТАЙГИ НЕТ ЖАЛОСТИ. НО У НЕЁ ЕСТЬ ПАМЯТЬ. Васюганские болота — самое большое и коварное болото в мире. Старики шепчут: туман здесь говорит чужими голосами, а в топиях бродит Тёмный человек — не то зверь, не то призрак. Десятилетний Серёжа приезжает на лето в Таёжное и на чердаке дедушкиного дома находит жестяной кофр: внутри — дневник 1931 года и истлевшая карта к «Кулайскому яру». Поверив в сказку о кладе, мальчик уходит в тайгу с друзьями — и исчезает. Пока над болотами поднимается смертоносная Белая Морось, в деревне происходит жестокое преступление, и на поиски детей отправляются те, кому придется расплатиться за прошлые грехи. Но чтобы вернуть детей, им придется пройти по затопленной гати прямо в лапы к вооруженным бандитам и встретиться с тем, чье имя боится произносить вся деревня... Это история о том, что самые страшные монстры живут не в болотах, а в людских сердцах. А самый светлый луч надежды может пробиться сквозь любой туман.

© Сонина П., 2026

© Автор, 2026

Полина Сони́на

Сквозь туманы и топи

Глава 1

1931 год, Васюган

Глава 1.

Гнали их уже долгие три недели. Днем слепящее мартовское солнце подтапливало верхний слой сугробов, а ночью ударял такой лютый, трескучий мороз, что бескрайние болота превращались в острый как стекло, наст.

По этому белому пустому пространству тянулся обоз.

Он казался извилистой черной змеей, среди бескрайнего моря тайги. Десятки крестьянских розвальней, запряженных отощавшими лошадьми, скрипели подрезами о наст. Этот скрип – сухой, визгливый, непрерывный – был единственным звуком, резавшим тишину урмана.

В этих санях, прижавшись друг к другу, чтобы сохранить последнее тепло, сидели люди. Десятки, сотни невинных душ, вырванных из родных сибирских сел и деревень. Женщины, замотанные по самые глаза в шали, древние старики с инеем в бородах, маленькие, притихшие ребятишки с недетскими глазами.

Охрана – конвоиры в серых суконных шинелях, с винтовками за плечами – ехала верхом по обеим сторонам обоза. Сытые и холеные лошади конвоя фыркали, пробивая подковами ледяную корку, а всадники отрывисто, злыми голосами перекликались, не давая шеренге растягиваться:

- Не отставать! Подтягивайтесь! Подтягивайтесь!

Маленький Степка сидел в глубине подводы, зажатый между боками отца и матери. Отец, высохший, с темным от тяжких дум лицом, обнимал их, пытаясь закрыть своей дохой от режущего ветра.

Их вели все дальше и дальше на север, где кончаются любые дороги и людское жилье. Степка знал, что каждой семье позволили взять одну лишь лошадь и одну телегу. Вот личных вещей – это сколько угодно. Можно было взять хоть швейную машинку, если она была, а вот ружье, сети, багры – категорически запрещалось. Уже в пути многие выбрасывали то, что припасли в дорогу, – гармонь, перину, – лошади не тянули. Потом стали оставлять и лошадей. Шли пешком. Бывало, что и умершего ребенка укладывали просто в снег у дороги. Вот и все похороны.

Степка вспоминал, как рано утром - еще не рассвело - пришли выселять их семью. Вспоминал, как они стояли у своего дома, последний раз глядя на родные окна. Степка прижимался к крепкому отцовскому боку, и ему до слез было жаль кошку Муську, которая теперь, как ему казалось, будет без них скучать. Сестренка, на руках у матери ревела и извивалась, пытаясь вырваться из крепких объятий. Она увидела в окне, на подоконнике, забытую ими тряпичную куклу, которую ей смастерила мать. Это была любимая игрушка. Конечно, про нее никто не вспомнил. Да и возвращаться в ставший враз чужим дом, им бы не позволили. И теперь крик ребенка поднял всех собак в округе. Или псы рвались не на Машенькин плач?

В тот день из их села выслали семь семей...

К полудню обоз резко замер. Передняя подвода уткнулась в непроходимый завал из поваленных стволов. Дальше дороги не было. Наст сменился глубокими, в человеческий рост, сугробами.

Старший конвоир выехал вперед, достал из планшета карту, с сомнением взгляделся в белую пустоту, и, не слезая с лошади, гаркнул на весь затихший урман:

- Конец маршрута! Кулай! Выгружайсь!!!

Прокатился глухой, стонущий гул. Люди в санях не шевелились, не веря услышанному. Они с ужасом смотрели по сторонам, но вокруг ничего не было. Не было ни деревни, ни барачных, ни даже убогой избушки-заимки. Только метры снега и непроглядная чаша.

- Как выгружаться?! Слышь, начальник! – поднялся с подводы Степкин отец. Его голос дрожал от еле сдерживаемого гнева. – Куда выгружаться-то?! Тут же снега по грудь! Дети же здесь! Старики! Да люди вы, в конце концов, или нет?!

- Разговоры! – конвоир вздернул поводья и его конь взвился на дыбы, заставив людей отпрянуть. – Приказ окружкома! Расселение в районе Кулая! Жить хотите – стройте поселок! Выгружайся, кому говорю, а то ссадим в сугроб без пожитков! – И, сплюнув, добавил с ненавистью, – кулачье проклятое!

И людей начали сбрасывать.

Мужики сами прыгали в снег, мгновенно проваливаясь по пояс. Они принимали на руки воющих женщин, плачущих детей, сбрасывали узлы с вещами.

Степку отец бережно опустил прямо в вытоптанную в сугробе яму. Снег вокруг обжигал своим холодом, он забивался в пимы, пробирался за воротник. Мать упала на колени прямо в снег, прижимая к груди маленькую Машутку, и первый раз за все дни пути зарыдала – беззвучно, ужасно, только плечи страшно ходили ходуном.

- Но-о-о! Поворачивай! – закричали конвоиры.

Лошади, почувствовав путь назад – к дому, прибавили ход. Вскоре стук копыт затих.

Сотни человек остались одни.

- Это Кулай, сынок, – прошептал отец. – И теперь здесь наша новая жизнь.

Но десятилетний Степка уже тогда понимал, что это не жизнь. Это была их гибель.

Со всех сторон окруженное Васюганскими болотами урочище Кулай стало идеальной природной тюрьмой для тысяч неугодных своему государству людей. Зимой – трескучий мороз и метровые сугробы, летом – топи и трясины. Чтобы выйти к ближайшему поселку, необходим был опытный проводник из местных.

Сотни невинных людей, посреди нетронутой сибирской тайги, растерянно стояли под равнодушным, бледным мартовским солнцем. Женщины кинулись в плач, мужики стояли в растерянности, – ведь им обещали, что на месте обеспечат самым необходимым. Не обеспечили. Никому теперь до них не было дела.

Отец взял все в свои руки:

- Не время сопلي распускать, иначе до утра не доживем. Бабоньки, жгите костры, грейте ребятишек. А нам, мужики, нужно барак править, иначе все сгинем.

В первую ночь спали на голой земле, на месте прогоревших кострищ. Уже позже поставили барак. Отец, не покладая рук, рубил тупым топором тонкие сосенки, чтобы хоть как то утеплить яму, в которой ютились первое время. Степка запомнил холод. Холод пробирался под одежду, просачивался в кости, проникал в самую душу. Маленькая сестренка плакала все время. Потом – реже. И в одно утро она просто не проснулась. Мать, опустошенная, с глазами, в которых не было не слезинки, в которых навечно поселился лед, – лед Кулая, – завернула тельце в старый платок, а отец, низко склонив голову, отнес крохотный сверток к краю зарослей, где уже высился свежий холмик, – братская могила безымянных детей.